

© Кокорев А.В.

В. П. Визгина и Н. С. Автономовой]. — СПб. : А-сad , 1994. — 408 с.

7. Уёмов А. И. Общая теория систем для гуманитариев / Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. / [под. общ. ред. А. И. Уёмова]. — Варшава : Universitas Rediviva , 2001. — 276 с.

8. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания / Авенир Иванович Уёмов. — Одесса : Студия „Негоциант” , 2000. — 160 с.

9. Цофнас А. Ю. Гносеология: [учебное пособие] / Арнольд Юрьевич Цофнас. — Одесса : Алерта , 2005. — 225 с.

*Стаття надійшла до редакції 14.01.2011**Кокорев А.В. – преподаватель кафедры программного обеспечения сетей связи, аспирант кафедры философии и украиноведения Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова*

УДК 165.6/8

ЦЕННОСТНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*Аналізуються складові комунікативної раціональності – комунікація, її смислова навантаженість, а також здоровоглудна та розумова раціональності, їх епістемологічні цінності. Комунікативна раціональність з'ясована як особлива об'єктна сфера, яка має свої смислові та епістемологічні цінності і форми їх репрезентації.**Ключові слова: комунікативна раціональність**Анализируются составляющие коммуникативной рациональности – коммуникация, ее смысловая нагрузка, а также рассудочная и разумная рациональности, их эпистемологические ценности. Коммуникативная рациональность объяснена как особая объектная сфера, имеющая свои смысловые и эпистемологические ценности и формы их репрезентации.**Ключевые слова: коммуникативная рациональность.**The component of communicative rationality – communication, its semantic loading, and also rational and reasonable rationalities, their epistemological values - is analyzed. Communicative rationality is explained as a special objective sphere which has its semantic epistemological values and forms of their representation.**Keywords: communicative rationality.*

Вступлення. Со становлением Homo Sapiensa, возникновением в его субстрате социальной структуры (помимо биологической), начинается процесс целенаправленного общения, передачи информации, отражающей жизненные потребности первобытного человека. Формирование мыслящего мозга дало возможность облекать различные виды деятельности в логические формы – понятия, суждения, умозаключения. Это имело место уже на уровне обыденного сознания, тогда и зародились первые формы предрассудков и рассудочной рациональности.

Со становлением теоретического уровня познания развивается бурно, помимо рассудочной рациональности, разумная рациональность, а со становлением капитализма в бурно развивающемся научном знании формируется классическая рациональность. На рубеже XX века она переходит в свою новую стадию – неклассическую, а во второй половине XX века складывается в науке новый тип рациональности – постнеклассический. Его квинтэссенцией выступило учение о коммуникативной рациональности. Отсюда вытекают **цели** статьи: раскрыть сущность коммуникации, объяснить смысловую нагрузку рассудочной и разумной рациональности, выделить основные пространства коммуникативной рациональности и раскрыть ее как специфическую объектную сферу познавательной деятельности.

Основная часть. Эпистемологической ценностью постнеклассической рациональности выступила концепция коммуникативной рациональности. Это альфа и омега развития всех наук. И все основные эпистемологические ценности этого процесса разворачивают свое содержание именно в призме их рационального осмысления. Но это не означает, что интуитивно коммуникативная рациональность не рассматривалась в классической и неклассической рациональности и широко используемой рассудочной и разумной рациональности, господствующих в структуре познания до Нового времени, от которого сегодня идет отсчет типам рациональности, предложенных академиком

В.С. Степиным.

Анализ всех сфер научного знания показывает, что и понятие "коммуникация" и понятие "рациональности" широко обосновывались в их содержании. Но в единстве, как "коммуникативная рациональность" оно было предложено Ю. Хабермасом, который доказывал необходимость пересмотра содержания рациональности, развиваемой Р. Декартом, Г.В. Лейбницем и другими философами. Ю. Хабермас основывал эту необходимость пересмотра, так как считал, что все трудности связаны с односторонним пониманием субъекта рационального познания. На смену старой парадигме сегодня приходит парадигма интерсубъективного понимания и коммуникации. Сегодня «фокус исследования переместился, – отмечает Ю. Хабермас, – от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигмично не отношение частного субъекта к чему-либо в объективном мире, что можно представить и с чем можно манипулировать, а межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действию субъекты, если они возвращаются в среде естественного языка, употребляют культурно-преданные интерпретации и одновременно обращаются к чему-либо объективному, общему для них социальному и соответственно к субъективному миру» [1; с. 58].

Этот субъективный социальный мир раскрывает свои смысловые ценности через коммуникацию. Коммуникация всегда несет в себе смысловую нагрузку в зависимости от того, какое содержание в нее вкладывается и на какую предметную область она экстраполируется. Иначе говоря, толкование этого понятия может быть поливариантным: от представлений на уровне процессов сознания, мировоззрения и отношений между людьми до понимания различного рода технических сетей и операций, происходящих в них. Такая тенденция расширения содержания понятия и возможностей его использования является характерной в условиях стремительного развития знания, его "консолидации" и обнаружения сходств и взаимодействий различных явлений и процессов.

Как и в любом понятии в "коммуникации" есть некая инвариантная смысловая основа, которая своим содержанием обязана вполне конкретной специфической среде. Для понятия коммуникации такой специфической сферой является область человеческих взаимодействий, связанная с общением людей.

Но поскольку эта область и пространственная, и конкретно-историческая, и конкретно-смысловая, то можно утверждать, что объектом учения о коммуникациях выступают разнообразные формы социально-коммуникативного взаимодействия между людьми в обществе или объектами окружающего материального мира. Понятие «коммуникация» означает связывание, формирование общего. Но научный смысл оно приобрело тогда, когда под этим понятием стали понимать социально-обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного, группового и массового общения, на основе использования разных каналов и средств.

«В самом общем виде, – отмечают А.А. Романов и Г.А. Васильев, – под коммуникацией понимается: 1) средство связи любых объектов материального мира... б) передача информации от человека к человеку в самых различных формах – через различные информационные каналы и технологии подачи информации... Важнейшей составляющей такого общения является сложная система особой идентификации различных оттенков понятий, в котором важнейшую роль играют «смыслы», которые не могут быть сведены к материальным носителям – знакам и электронным процессам, при посредстве которых происходит обмен информацией... в) такая передача и обмен информацией, которая имеет целью не сам процесс такой передачи, а какое-либо (обучающее, управляющее или иное) воздействие на людей с помощью информации. Последние два типа коммуникации принято называть смысловыми» [2; с. 8-9].

На каждом этапе общественного развития коммуникация имела свои особенности. Современная постиндустриальная коммуникация под таким углом зрения предстает как коммуникация интеллектуальная, основанная на знаниях в их непреходящем личностном «измерении», что обуславливает образовательный и культурный уровень современного субъекта, его профессиональную компетентность и ответственность. В этом отношении нуждается в уточнении традиционная точка зрения на механизмы технологической детерминации пространства коммуникации. Это обусловлено необходимостью раскрытия различных видов коммуникативного пространства.

Исследуя пространство идеальной коммуникации, А.А. Лазаревич отмечает, что «коммуникативное пространство можно было бы определить как совокупность пространственно-временных и социально-культурных условий развития определенного коммуникативного процесса. Любая социальная деятельность имеет свою пространственно-территориальную и временную

протяженность, на характер ее протекания влияют конкретные факторы экономического, политического, духовно-культурного и др. состояния общества» [3; с. 52].

Анализ коммуникативного пространства в науке репрезентирует его в следующих видах.

Во-первых, – это пространство внутренней коммуникации ученого. Оно предполагает внутренний диалог человека с самим собой. Такой тип коммуникативного пространства с позиций его организации чрезвычайно сложен, так как в силу технических особенностей индивида может принимать самые разнообразные формы: самооценка, самоубежденность, самоанализ, самокритика и др. Именно это пространство стремится использовать в своих целях профессиональной инициатор коммуникации. Здесь необходим учет раздвоения этого пространства на «Я» и «не-Я», «Я в прошлом и Я в настоящем», «Я и мои ценности», «Я и моя совесть» и т.д. В этом смысле коммуникативность такого пространства – интравертна, т.е. обращена вовнутрь.

Во-вторых, пространство межличностной коммуникации. Здесь имеет место реальное бытие Другого в процессе коммуникации, формой этой коммуникации выступает диалог, одна из тех форм, которая выводит инициатора коммуникации за «пределы себя» и посредством которой последний репрезентирует свои научные идеи Другому. Уже на этом этапе пространство коммуникации становится «специальным» в полном смысле этого понятия.

В-третьих, пространство микрогрупповой коммуникации. Оно предполагает наличие небольшой группы единомышленников, занимающихся решением конкретной научно-технической проблемы. Сюда можно отнести коллективы научных сотрудников, работающих над одной госбюджетной или хоздоговорной тематике, коллективных монографий, учебников, учебных пособий и т.д.

В-четвертых, пространство публичной коммуникации. Это пространство заранее структурировано и предполагает наличие двух областей коммуникации: «активного коммуникатора» и пассивных реципиентов информации. Сюда можно отнести междисциплинарные научные разработки, где не все участники выступают в качестве активных коммуникаторов.

В-пятых, пространство организационной коммуникации. Оно структурируется не только по типу «активность – пассивность», но и по вертикальным связям «высшее – низшее». Ярким примером такого пространства коммуникации выступают различного рода конференции, симпозиумы. Программы, в этом случае, четко структурируют процесс их проведения. Во-первых, в программе пленарных заседаний всегда выделяются доклады научно-активных коммуникаторов. Во-вторых, большое количество участников не всегда дает возможность всем выступить (работает временный фактор), но всегда есть возможность принять активное участие в обсуждении проблемы посредством вопросов, уточнений, реплик и т.д.

В-шестых, пространство массовой коммуникации, это способы информатизации общества, когда широко используются средства массовой информации такие, как телекоммуникационные системы, радио, печать, способствующие конструктивному решению данной проблемы в пределах основных идеологий общества. В этих случаях «коммуникационный процесс, – отмечает А.А. Лазаревич, – выглядит как процесс трансляции и социализации информации. В зависимости от того, как это происходит, можно говорить о различных средствах и способах взаимодействия субъектов коммуникации, определяющих в свою очередь ее формы и виды. Выбор определенной комбинации средств, способов, форм коммуникационного процесса лежит в основе понятия технологии коммуникации» [3; с. 138], которые должны решать задачи инициаторов коммуникации, что также входит в пространство коммуникации.

Исследование этих пространств раскрывает роль коммуникаций как важнейшего средства социализации науки. Применительно к научной коммуникации можно говорить в данном случае о научной среде, содержательное и культурно-ценностное значение которой хорошо выразил В.В. Позняков. Научная «среда, – пишет он, – это сообщество людей, интеллектуалов, образующих особое пространство циркуляции мысли. Среда – это диалог, в потоке которого возможен напряженный поиск истины. Это бескорыстный обмен мнениями и идеями, образующий плодотворный гумус, на котором взращиваются не только взгляды, но и таланты. Среда – это место, где складывается постоянное и взаимное стремление к пониманию Другого. Среда предполагает признание Другого, его самоценность и право на соучастие в творческом поиске. Другой признается в его неповторимости и своеобразии. Среда – это особая духовная аура, в которой парит дух благодарности за возможность общения. Это школа интеллекта и выращивания интеллигентности, совершенствования интеллигентности и проверка на интеллигентность. Среда имеет свои традиции, т.е. комплекс присущих только ей «ритуалов», формализованность которых допустима постольку, поскольку не превращает общение в

серое и обязывающее участие.

Разрушение средств ведет к угасанию научных сообществ как живых организмов. Без среды научные сообщества – это тело без души. Сохраняя внешнюю упорядоченность, организацию, структурированность, она утрачивает дух уважительного и бескорыстного творчества» [4; с. 34].

Отмеченные характеристики научной среды, как особой коммуникативной атмосферы относятся скорее к социально-психологическим и духовно-культурным условиям научной коммуникации. Но эти условия необходимы в коммуникациях других практик. Они выступают важным элементом коммуникативного процесса, выражая специфику его творчества, что обусловлено конкретным характером профессиональной деятельности, ее этики и культуры. Следовательно, коммуникационный аспект науки наряду с познавательным, организационным «весьма ярко отражает социокультурную и ценностную природу научно-исследовательской деятельности, – отмечает Л.А. Микешина, – ее тесную связь с социально-историческими факторами, включенность науки в культуру общества в целом. Коммуникации... складываются в целостную систему различных межличностных, массовых формальных и неформальных устных и письменных связей и отношений. Они предстают как феномен, чутко улавливающий и фиксирующий изменения ценностных ориентаций научных сообществ, смену парадигм, исследовательских программ» [5; с. 163]. Особенность коммуникативного действия в науке заключается в том, что оно ориентировано на нахождение взаимопонимания между учеными, и лишь затем на получение конечного результата – истинного знания. Это, во-первых. И, во-вторых, коммуникативность в науке предполагает обязательную фиксацию знания в специально объективированной форме – в научных текстах, как специфической когнитивной абстракции, отражающей реальные взаимосвязи в различных типах научной реальности.

Однако, для коммуникативной рациональности одного анализа понятия «коммуникация» недостаточно. Необходимо проанализировать и сущность рациональности. Ее анализ связан с познанием истины. Но поскольку критерием истины выступает практика, то встает вопрос о том, как складывался этот критерий в условиях существования только обыденного уровня познания? Известно, что и исторически и логически первичным является практическое знание, а фактически практический человеческий опыт, в ходе которого и формировалась система обыденного знания. «Но как проверить истинность такого знания? – вопрошают Е.В. Мареева, С.Н. Мареев, А.Д. Майданский. – Дело в том, что процедуры проверки истинности практического знания не существует. И не существует ее потому, что знание предназначено для практики. А практика и есть главный критерий истинности наших знаний. Таким образом, способ существования такого знания совпадает со способом его проверки» [6; с. 287].

Когда же производство теоретических знаний приобретает независимый от практики характер и предстает как результат умственной деятельности социума, тогда истинность этих знаний и подтверждалась практикой. Единство теории и практики предстало в новой взаимосвязи. Истина предстала как соответствие наших знаний о предмете самому предмету, а научная истина предстала как «выражение в знании сущности предмета или иначе, знание порождающей эту вещь (явление) причины [6; с. 287].

Причины всего происходящего нам помогает открывать рассудок. Он отличается от предрассудка тем, что последний не предполагает каких-либо рассуждений. Предрассудки всегда основаны на безоговорочной вере. На рассудок люди полагаются и в науке и в обыденной жизни, где он выступает как здравый смысл. Тем не менее рассудок нельзя отождествлять с нашим разумом (умом) как таковым. И конечно же и рассудочная рациональность и разумная рациональность широко применяется в науке. «указанные типы рациональности выделила именно классическая философия в отличие от классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности, которые описывают и пытаются осмыслить в современной методологической науке» [6; с. 288].

Рассудочная рациональность в отличие от предрассудка ищет причины явления и на их фундаменте обосновывает и вскрывает скрытую сущность. Следовательно, основной принцип рассудочной рациональности – принцип причинности. Но этот принцип применим и к научному знанию. Это позволило выделить и обосновать сущность первого этапа рациональности – классический.

В этот период всю философию Р. Декарта пронизывает убежденность в беспредельности человеческого разума, в огромной силе познания, мышления и понятийного усмотрения сущности вещей. «Классическая рациональность, – отмечает С.Ю. Янковская, – имела ярко выраженную гносеологическую природу. На другие области общественной жизни она распространялась лишь в

той мере, в какой они могли быть представлены в категориях и нормах науки. В этом заключалась как сильная, так и слабая сторона классической рациональности. Узость и уязвимость последней состояла в том, что обращение к разуму единственному источнику знания привело рационализм к заключению о существовании врожденных идей (Р. Декарт) или предположений и задатков мышления независимых от чувственности (Лейбниц)» [7; с. 290-291].

Особое развитие концепция разумной рациональности (в последующем просто рациональности) нашла во второй половине XX века. На рубеже XXI века были выделены основные типы рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая, которые широко обосновываются в современной философии и методологии науки. Это еще раз заставило пересмотреть сущность рациональности в призме ее коммуникации. Рациональность предполагает разумную деятельность человека как теоретическую, так и практическую, позволяющую достигнуть ее оптимальных результатов. «Рациональность, – считает Е.А. Сергодеева, – есть особое основанное на разуме, отношение человека к окружающему миру, предполагающее конструктивные способности сознания и рефлексию над соотношением цели человеческой деятельности и механизмов, обеспечивающих их достижение» [8; с. 203]. Здесь на первый план выходит аспект целерациональности в деятельности субъекта, но он не раскрывает смысловую специфику коммуникативной рациональности, которая через диалог, дискуссию и другие формы коммуникации занимается поиском основной эпистемологической ценности науки – истины. Здесь коммуникативная рациональность предстает как потребность общения.

Коммуникативная рациональность здесь связана с процессами приобретения, расширения, углубления знания, она способствует достижению соответствия наших знаний об объекте самому объекту, т.е. познанию и достижению истины. Такая рациональность позволяет разрешать противоречивые и спорные позиции, возникающие в развитии этого знания, раскрывает активность субъектов этого процесса. Этому способствует и то, что коммуникативная рациональность здесь предстает как сфера открытости для обсуждения познаваемых проблем, как вектор ее действия и развития, рациональность понимается как взаимодействие субъектов формирования нового в этом знании, в результате которого устанавливается понимание. Это предполагает включение в его структуру ценностных аспектов, поскольку сообщество признает только те структуры рациональности, с помощью которых оно поддерживает существование и взаимодействие с окружающим миром.

В новой коммуникативной рациональности расширяется объектная сфера за счет включения в нее систем типа: «искусственный интеллект», «виртуальная реальность», «киборг-отношения», которые сами являются порождениями научно-технического прогресса. «Такое радикальное расширение объектной сферы, – отмечает Янковская С.Ю., – идут параллельно с его радикальным очеловечиванием. И человек входит в картину мира не просто как активный ее участник, а как системообразующий принцип. Это говорит о том, что мышление человека с его целями, ценностными ориентациями несет в себе характеристики, которые сливаются с предметным содержанием объекта» [7; с. 314]. Конечно же, все вышеотмеченное представляет постнеклассическую рациональность как единство субъективности и объективности.

Но поскольку нас интересует коммуникативная рациональность с позиций ее эпистемологической ценности, то, несомненно, суть ее необходимо расширить, уйдя с позиций всеобщего (фактор социального развития), к частному (ценностно-познавательный аспект). Несомненно, социальная эволюция связана с коммуникативной действительностью, которая выступает средством преобразования социальной системы, но она отражает рассудочную деятельность человека по преобразованию этой системы. Вся гамма социальных преобразований носит не хаотический, стихийный характер, а направляется рациональной составляющей Homo Sapiens. Этот момент коммуникативной рациональности оказался сведенным только к системе субъектно-субъектных отношений, когда она была представлена так, как «новый аспект в целостном понимании рациональности, связанный с процессом общения и взаимного обсуждения, в котором важным оказывается как «говорящий», так и «слушающий». Рациональность коммуникации состоит в том, что «говорение» и «слушание» должны быть упорядочены согласно принятым нормам, ценностям и «правилам игры», выполняющим роль тестирования ситуации, социальной адаптации, а также личностной самоидентификации.

Анализируя коммуникативную рациональность необходимо отметить, что она имеет свою структуру. Ю. Хабермас охарактеризовал ее следующим образом, «когда говорящий высказывается о чем-либо в рамках повседневного контекста, он вступает в отношение не только к чему-то

© Кравцов Ю. С.

наличествуемому в объективном мире..., но еще и к чему-то в социальном мире... и к чему-то в своем собственном субъективном мире» [см.: 1]. Исходя из идеи Ю. Хабермаса в коммуникативной рациональности можно выделить: 1) субъекта, формирующего смыслы (обучающий субъект); 2) отношения, отражающие образование как систему, рассматривающую процессы природной и социальной действительности; 3) субъекта, усваивающего смыслы и сущности процессов обоих видов действительности.

Коммуникативная рациональность целенаправленно ориентирована на поиск истины через систему взаимопонимания. Эта коммуникация сегодня интерпретируется как «коммуникативный разум», она является основой взаимопонимания и предстает как процесс взаимного общения. Эта рациональность упорядочивается согласно принятым нормам, ценностям, требованиям, сложившихся в этой сфере деятельности социума.

Заключение. Исследование коммуникативной рациональности, ее ценностно-эпистемологических смыслов, потребовало раскрыть сущность коммуникации и рациональности, объяснить сущность коммуникативной рациональности, основные типы пространства последней. Коммуникативная рациональность в ее постнеклассическом типе предстала как особый социальный субъективный мир, имеющий свои смысловые ценности, конкретные эпистемологические составляющие деятельности субъекта в этом виде общения, как базовые основания исследования коммуникаций во всех сферах деятельности общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева ; послесл. Б. В. Маркова. — СПб. : Наука, 2000. — 377 с.
2. Романов А. А. Массовые коммуникации / А. А. Романов, Г. А. Васильев — М. : Вузовский ученик, 2009. — 236 с.
3. Лазаревич А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. — Минск : Белорусская наука, 2008. — 350 с.
4. Позняков В. В. Дискурсивные контексты коммуникативной идентификации субъекта / В. В. Позняков. [В кн.: Национальная философия в современном мире]. — Минск : Право и экономика, 2010. — 143 с.
5. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. — М. : РОССПЭН, 2007. — 439 с.
6. Мареева Е. В. Философия науки / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 333 с.
7. Янковская С. Ю. рациональные границы информационного социума / С. Ю. Янковская // Грядущее информационное общество / Под ред. А. А. Лазаревича и др. — Минск: Белорусская наука, 2006. — С. 284-323.
8. Сергодеева Е. А. Критика научного разума / Е. А. Сергодеева — М.-Р/Д. : MapT, 2006. — 310 с. — (Философия науки).

Стаття надійшла до редакції 14.01.2011

Кравцов Ю. С. – кафедра філософських наук, доцент кафедри філософії і права Днепродзержинського державного технічного університету.

УДК 167+81-13

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Автор аналізує теоретичні підстави інформаційної парадигми. З філософської позиції розкриваються онтологічні та гносеологічні чинники появи нового історичного типу суспільства, в нашому випадку – інформаційного. Згідно інформаційної онтології, реальність тотожна інформації. В рамках такої парадигми людська особа зводиться до укладеної в ній суми інформації.

Ключові слова: Інформаційна парадигма, новий тип суспільства, об'єкт-мова.

Автор анализирует теоретические основания информационной парадигмы. С философской позиции раскрываются онтологические и гносеологические факторы появления нового